

ЧИТАЙТЕ КНИГИ ОЛЕГА РОЯ

Мир над пропастью
Муж, жена, любовница
Улыбка черного кота
Дом без выхода
Капкан супружеской свободы
Обещание нежности
Нелепая привычка жить
Амальгама счастья
Обняться, чтобы уцелеть
Украденное счастье
Барселонская галерея
Эдельвейсы для Евы
Мужчина в окне напротив
Сценарий собственных ошибок
В сетях интриг
Галерея «Максим»
Банкротство мнимых ценностей
Вдали от рая
Паутина лжи
Игра без правил
Шаль
Тайна
Искушение
Тот, кто стоит за плечом
Письма из прошлого
Три краски
Одно чудесное пари
Человек за шкафом
Повторный брак

*Памяти моего сына Женечки
посвящается*

*Все имена и фамилии вымышлены.
Совпадения случайны, за что автор
ответственности не несет.*

Часть I

ТРАГЕДИЯ

В большом холле клиники было на удивление светло и красиво, даже как-то празднично. Красивые картины на нежно-бежевых стенах, льющийся через большие кристально чистые окна солнечный свет, густая сочная зелень комнатных растений. Все это радовало глаз — но только не ему. Ему казалось, что он находится в темной и мрачной, полной ужаса пещере, той самой пещере из его сна. Саша стоял, прислонившись плечами к стене, и все пытался осмыслить те страшные слова, которые только что услышал от врача.

— Мой сын... — бормотал он. — Мой сын... Что с ним?

— Господин Кравчук, я вам уже в который раз говорю, — терпеливо отвечала бесцветная женщина в белом халате. — Случилось несчастье, мы еле успели...

— Мой сын... — повторял он. И с трудом, словно слова собеседницы пробивались к нему сквозь вату, слышал:

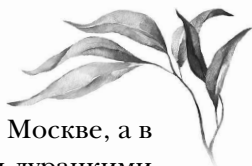
— Диагноз... Редкий случай... Медицина бессильна... Ваша жена... Теперь вне опасности... Ребенка... Не удалось... Мне очень жаль...

Западное мышление в советской стране

Дальнейшего своего разговора с врачом Саша не помнил. Не помнил и того, как покинул клинику. Просто в какой-то момент вдруг осознал, что больше не стоит в ярко освещенном больничном холле рядом с этой врачихой, как ее, Раисой Николаевной, кажется, а сидит в своем автомобиле и мчит неведомо куда, не разбирая дороги и даже толком не понимая, где находится.

Очнулся он удивительно вовремя — как раз в ту минуту, когда обнаружил, что пытается обогнать ползущий впереди микроавтобус и уже поворачивает руль, чтобы, презрев все правила безопасности движения, выехать на встречную полосу. Еще несколько секунд — и столкновение было бы неминуемо. Опомившись, Саша, конечно, тотчас отказался от смертельно опасного маневра, сбавил скорость и, продолжая тащиться за неторопливым микроавтобусом, твердо сказал себе, что за рулем ему сейчас не место. Не хватало еще угодить в аварию!

Придя к этому решению, он сразу тормознул у первого попавшегося ресторана. Судя по всему, фешенебельного, возможно, из лучших в городе, не исключено, что с отличной кухней. Однако сейчас все это было совершенно безразлично. Ступая тяжело, с трудом, точно грузный старик, Саша добрал до первого попавшегося столика, плюхнулся на стул, оттолкнул предложенное меню и потребовал водки — именно потребовал, а не заказал и не попросил. Молоденькая официантка попыталась было что-то говорить про закуски и прочие глупости, но он только отмахнулся.

Запоздало сообразив, что находится не в Москве, а в Швейцарии, где спиртное подают этими дурацкими крошечными стаканчиками, дал команду принести сразу всю бутылку. В ответ официантка только сдержанно кивнула, не позволив своему хорошенькому личику отразить удивление или недовольство таким непривычным заказом. Видимо, ресторан действительно был из респектабельных, и персонал тут был вышколен — будь здоров. Не успел Саша моргнуть, как уже подали вожделенную водку, и девушка ловко налила ее в мгновенно запотевшую рюмку. Едва дождавшись, когда она уберет руку, Саша тут же схватил ее и опрокинул в себя, выпив обжигающую прозрачную жидкость одним глотком. По телу расплылось тепло, и эта невыносимая боль, судорожным спазмом скрутившая его там, в клинике, немного отпустила. Не дожидаясь официантки, Саша сам наполнил рюмку вновь и отправил ее содержимое вслед за содержимым первой.

Стало чуть легче. «Поплачь — будет легче» — так Юля иногда говорила дочкам. Но плакать ему было нельзя. Только пить. Спиртное — это слезы по-мужски. Когда женщине плохо — она плачет, когда плохо мужчине — он пьет. И никак не иначе, ни в коем случае не наоборот. Рыдающий мужчина хуже, чем пьющая женщина. «Настоящие мужики не плачут, это стыдно и недостойно», — догма, внушаемая каждому мальчишке чуть ли не с раннего детства. И Саша Кравчук не был исключением. И отец, и дед всегда учили его сдерживать эмоции, да и бурная юность закалила, диктовала, что если плохо, то кричи, бей, хоть разнеси все и вся вокруг, только не плачь, не проявляй слабость, иначе ею тут же воспользуются враги. Он и не проявлял слабости, не плакал никогда, уже, навер-

ное, лет тридцать с гаком, не меньше. Лишь сейчас, после сорока, Сашка вдруг начал понимать, как глупы стереотипы, как они пусты и безжалостны к людям. Именно из-за них, из-за этих идиотских предрассудков, заставляющих скрывать свои истинные чувства и тупо, как клоуны, улыбаться, что бы ни случилось, люди и превращаются в бездушные манекены...

Саша пил водку и больше всего на свете жалел об одном — что находится сейчас за тысячи километров от своего любимого пруда в Останкине. Было такое чувство, что окажись он сейчас на его берегу, на душе стало бы легче. Ведь обычно так и бывало. Еще в школе, когда их привели на экскурсию в здание музея бывшего крепостного театра, Сашка с первого взгляда влюбился в это удивительное место, где с одного берега можно было любоваться отражением в зеркале воды причудливой и изящной, точно сказочный терем, Троицкой церкви, а с другого — смотреть, высоко задирая голову, на уходящую в облака телевизионную башню. Он привык гулять здесь и всегда приходил к пруду в трудные жизненные минуты, когда нужно было принять важное решение или справиться с душевной драмой. Это теперь, когда в его жизни случилось настоящее несчастье, он осознал, какими ничтожными пустяками было все то, что раньше казалось трагедией, включая проблемы с бизнесом, оба мировых финансовых кризиса и даже реальную возможность угодить за решетку (было в его жизни и такое). Но сейчас, по сравнению со смертью так и не родившегося сына, все былые неприятности выглядели просто туфтой...

Бутылка уже опустела наполовину, водка при этом даже не успела согреться. Саша снова собственноручно наполнил рюмку, поднес ее к губам, опрокинул,

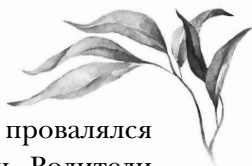

даже не замечая, что делает, и вдруг осознал: то, что произошло, — это наказание свыше. Кара небесная за все его, Александра Викторовича Кравчука, грехи. А грехов у него на счету имелось немало.

Долго он еще сидел так: пил и думал, думал, думал... В процессе брожения мыслей пришел к выводу, что судьба — это нечто вроде географической карты, которая выдается каждому человеку изначально, при рождении. А жизнь — это маршрут. Пункт назначения один-единственный, но прийти к нему можно разными тропами, что называется, импровизируй, но помни о цели. Ведь вместе с жизнью дано право выбора. Что захотите — то и выберете. *Выберете*. Какое странное слово, в нем словно спрятан иной смысл. **ВЫ — БЕРЕТЕ**. Да, действительно, для всех нас выбрать означает брать, заграбастать себе. Вернее, хотелось бы взять, да не всегда получается. Каждый из нас, совершая путешествие по лесу жизни с картой в руках, выбирает цветы, грибы, плоды, которыми и наполняет плетеную корзинку своей души. Только почему-то вместо красивого и вкусного в нее иногда попадают мухоморы, горсть волчьих ягод и любовно собранные букеты, цветы в которых на поверку оказываются ядовитыми. И, как ни странно, часто нам это нравится. Видно, такая особенность формируется еще в детстве — когда говорят: «Нельзя, фу, кака, брось!» — мы **ОБЯЗАТЕЛЬНО** это возьмем! А как же? Антиреклама — лучший способ пиара. И сколько Саша таких мухоморов набрал за свою жизнь? Страшно и подумать. Говорить правду тяжело и противно, особенно когда эту правду надо открыть не кому-нибудь, а самому себе. Своей душе, которая кривится и противится, точно отворачивается от неприятного запаха...

Саша пил водку и убеждал сам себя: да, это я во всем виноват. Я сам рассердил свою судьбу, стал превращаться в старуху из пушкинской сказки, доведшую золотую рыбку до белого каления. Ну чего мне еще не хватало, какого рожна? Ведь у меня все слава богу — прекрасная жена, двое чудеснейших детей, хорошие друзья, материальное благополучие, любимое и самое что ни на есть перспективное и доходное дело. Глядя со стороны, можно только позавидовать...

Во многом эти мысли и впрямь соответствовали действительности. Судьба на самом деле всегда была благосклонна к нему. С рождения Саша Кравчук относился к той редкой категории людей, которых называют счастливыми. Начать с того, что ему необычайно повезло с родителями: отец Саши, Виктор Анатольевич Кравчук, был специалистом по внешне-экономическим связям. По тем, советским, временам люди подобных профессий чуть ли не приравнивались к небожителям. Зарубежные командировки, да не куда-нибудь в развивающиеся африканские страны или социалистические государства, а в Западную Европу, были для Сашиных родителей обычным явлением, более того, неотъемлемой частью их жизни. Единственный сын Кравчуков появился на свет в Италии, в красивейшем старинном портовом городе Генуе. «Мы с Колумбом родились в одном городе», — хвастался всю жизнь Сашка, показывая знакомым свои детские фотографии на фоне дома великого путешественника. Там, в Италии, на берегу теплого моря, под безоблачным южным небом, среди вечной зелени, прошли первые четыре года жизни Саши. И когда настала пора возвращаться домой, в Москву, переезд чуть ли не погубил его. От резкой перемены климата мальчик захирел, стал то и дело болеть и по-

что всю свою первую московскую зиму провалялся дома с температурой под тридцать восемь. Родители и особенно дедушка с бабушкой, души не чаявшие во внуке, старались делать для него все, что могли, — но не в их силах было исполнить все желания Сашки, требовавшего то прогулки к морю, то кроваток, то жареных каштанов. А где, скажите на милость, все это взять (да еще зимой!) в Москве времен недоразвитого социализма, в которой за обычными апельсинами всегда огромная очередь, а виноград не в сезон можно купить только за бешеные деньги на Центральном рынке возле Старого цирка? Не получая желаемого, Саша страдал, хирел и чувствовал себя самым несчастным ребенком в мире.

На счастье, в этот момент в Сашкину жизнь вмешался случай в лице детского врача — мужчины еще достаточно молодого, но уже опытного. Тот посоветовал растерянным родителям прекратить кудахтать над ребенком и потакать его капризам, а как следует взяться за парня, начать закалять и увлечь чем-нибудь, самое лучшее — отдать в какую-нибудь спортивную секцию. Посоветовавшись, Кравчуки остановили свой выбор на фигурном катании. С тех пор Сашка целых три с половиной года по несколько раз в неделю ездил на тренировки на стадион «Динамо» в сопровождении бабушки, день и ночь грезившей, что ее внук со временем затмит необычайно тогда популярных в народе, особенно у прекрасной его половины, фигуристов Сергея Четверухина и Игоря Бобринина. Ничего подобного, конечно, не произошло, олимпийским чемпионом Саша Кравчук не стал, но спорт действительно пошел ему на пользу. Помимо того, что он стал крепче и здоровее, забыв о насморках и ангинах, Саша научился еще многим по-

лезным вещам, в частности, умению организовывать свое время, сосредотачиваться, преодолевать трудности и превозмогать боль. А если добавить к этому еще и пластичность и редкий для мужчины дар красиво двигаться, в том числе и в танце, можно понять, что, став взрослым, Саша ни минуты не жалел о днях, отданных спорту.

Жили Кравчуки на Ордынке, в новом элитном доме улучшенной планировки, в народе такие с иронией называли «дома развитого социализма». Публика здесь обитала вся сплошь респектабельная — и престарелый маршал Советского Союза, и главврач одного из филиалов так называемой Кремлевской больницы, и знаменитый актер Ярослав Мирский, красавец и кумир советских женщин, и несколько дипломатических работников. Среди последних был Мартин Эггер, сотрудник консульства, швейцарец, женившийся на русской женщине. С их детьми — сыном Стефаном, который был старше Саши на пару месяцев, и дочкой, младше их на три года, Иоганной, которую русские дети тут же перекрестили в Ваню, Сашка подружился уже в первый год по возвращении в Москву. Их дружба невольно прерывалась зарубежными поездками с родителями — но все школьные годы, проведенные в России, Сашка и Стефан просидели за одной партой. И хотя Саша номинально был младше своего друга, в этом дуэте он явно играл роль лидера. Характер у Стефана был мягкий, покладистый, неконфликтный, в детстве он был спокоен, сдержан и даже малость трусоват. Сашка же, наоборот, обладал нравом горячим, столкновений не только не избегал, но и сам провоцировал их и в случае чего всегда готов был постоять за себя и за друга.

14 Дрался он всегда отчаянно, как-то не по-детски же-

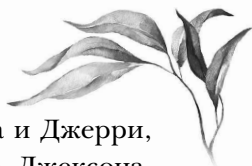

стоко, каждый раз до крови противника. За это его боялись, а страх в этом возрасте, как известно, неразрывно связан с уважением. Уже к десяти годам Сашка Кравчук был авторитетом для сверстников — и в своей спецшколе с английским уклоном, и на улице, среди ребят из соседних, неэлитных домов.

Очередная отцовская командировка в Италию вновь кардинально изменила жизнь Саши. Однако если пребывание в Генуе повлияло на его здоровье, то жизнь в Милане оказала воздействие на внутренний мир, заставив впервые задуматься над тем, как устроен мир. Тринадцать лет — это не так уж и мало, в этом возрасте человек уже многое способен понять, если, конечно, даст себе труд включить голову. Сравнивая жизнь в Советском Союзе и в Италии, задавая вопросы взрослым, вникая в их не всегда уверенные ответы и размышляя над увиденным и услышанным, Саня пришел для себя к нескольким выводам. Первый из них состоял в том, что СССР по всем статьям проигрывает Западу, второй — что причина этому кроется в социалистическом устройстве советского общества, которое, что бы ни ввали по телевизору и ни писали в газетах, во всем уступает капиталистическому. Третий же вывод сводился к тому, что он, Сашка Кравчук, волей-неволей вынужден жить в Союзе, и других вариантов у него нет. Правда, последний вывод появился не сразу, ему предшествовали длительные разговоры с отцом. Санька интересовался, почему батя не попросит политического убежища за границей и не переберется жить в Италию или какую-нибудь другую «нормальную» западную страну, ведь так делают некоторые их соотечественники. Хотя бы тот же балетный танцовщик, оставшийся в США после гастролей Большого театра,

об этом недавно столько говорили... На что Виктор Анатольевич резонно отвечал, что подобное сравнение просто неуместно. Александр Годунов — талантливый артист, а он, Виктор Кравчук, всего лишь экономист средней руки. И если первого в любой точке мира примут с распростертыми объятиями, то второй явно нигде не нужен, кроме своей родины. «Нам, сынок, не бежать из страны надо в поисках лучшей доли, а стараться сделать жизнь лучше в собственной отчизне», — поучал отец. Впоследствии Сашка много раз вспоминал эти слова и с удовольствием при случае цитировал, но на тот момент, со свойственным юному возрасту максимализмом, он понял их по-своему. И попытался, если можно так выразиться, внедрить капиталистические отношения на советскую почву. В одной, отдельно взятой судьбе.

Нетрудно догадаться, что материальное положение Саши Кравчука было значительно лучше, чем у большинства его сверстников, если не брать в расчет Стефана с Иоганной и еще нескольких ребят из их круга. Саша давно замечал, что приятели ему завидуют. Завидуют его зарубежным поездкам — еще бы, ведь две трети ребят его класса, да что там ребят, их родителей, никогда не пересекали границы СССР! Завидуют его модной, купленной в итальянских бутиках, одежде, его велосипеду последней модели, его коллекции музыкальных записей и той шикарной технике, которая имеется у них дома: японскому двухкассетнику, телефону с автоответчиком, большому телевизору и почти невероятному для того времени чуду — видеомагнитофону. И эта зависть дарила Саше сладкое ощущение власти. Он хорошо понимал, что его дружба и даже просто его внимание престижно. За возможность побывать у него дома,

посмотреть на видео мультики про Тома и Джерри, послушать записи «Оттаван» и Майкла Джексона, угоститься жвачкой и *импортной* конфетой или одолжить для дискотеки или свидания джинсы, водолазку или батник на кнопках многие ребята были готовы практически на все. И Сашка этим пользовался. Ему можно было бы вообще не делать уроки — желающих дать списать или подсказать было хоть отбавляй. Но все-таки полностью Санька Кравчук не расслаблялся, понимая, что на чужом горбу далеко не уедешь. Жить надо своей головой.

Эта самая работа головой подсказала, как в его положении можно делать деньги. А деньги лет в четырнадцать понадобились позарез — в этом возрасте Саша уже всюю интересовался девушками. Видимо, сказывались гены предков по материнской линии, играла в жилах горячая южная кровь (мамин отец был крымским греком). Обычно в таком возрасте мальчишки только видят эротические сны да хихикают на уроках над тем, что покажется им хоть намеком на сексуальную тему — а Сашка Кравчук в эти годы уже имел опыт отношений с противоположным полом. На дискотеках девчонки млели от шикарно одетого, уверенного в себе и отлично танцующего (спасибо фигурному катанию!) парня, от одного его взгляда становились в шеренгу и готовы были расчитаться на «первый-второй». Что и говорить, на внешность Саше было жаловаться грех. Высокий, плечистый, со спортивной фигурой — одним словом, типичный герой девичьих романтических грез. Была в его облике и одна деталь, буквально сводящая слабый пол с ума, — небольшой шрам над правой бровью, последствие одной жестокой детской драки, превратившийся со временем в символ надежности

и силы, умения постоять и за себя, и за даму в непредвиденных ситуациях.

Наличие дома видеомагнитофона и рассказы *о загранице* помогали проложить дорогу к сердцам самых неприступных красавиц, но Саньке это очень быстро показалось мало. Захотелось шиковать по-взрослому: катать подруг на машине, если не на собственной, то хотя бы на такси, водить по ресторанам, дарить роскошные подарки. Но как это обеспечить? Свой автомобиль (тогда у них еще были «Жигули», новенькая «семерка») отец сыну, разумеется, не доверял, хотя водить уже научил. И давать деньги свыше карманных, жалких пяти рублей в неделю категорически отказывался. «Все необходимое у тебя есть, — говорил он. — На кино и мороженое этого хватит. А на остальное ты пока не заработал». Саньку это бесило. Тем более что он вполне в состоянии был подсчитать, сколько тратят сами родители — мама только на своих портних и парикмахерш с маникюршами выкладывала не меньше трехсот рублей в месяц. Но то мама — а то сын. Как говорится, что позволено Юпитеру, то не позволено быку. Саша решил, что будет делать деньги сам. И занялся тем, что во всем мире называется бизнесом, но при социалистическом режиме именовалось не иначе как фарцовкой или спекуляцией.

Начал он по мелочи — со жвачки, которую родители целыми упаковками покупали ему в продуктовой «Березке», с конфет и шоколадок. Дело пошло на ура — спрос значительно превысил предложение. Из очередной зарубежной поездки, которая подвернулась как нельзя вовремя, Саня уже приехал, изрядно подготовившись — привез на продажу и сигареты, и три чемодана шмоток, и кое-что из техники.